

DOI: 10.15643/libartrus-2018.4.4

Федор Карамазов как философ старости: контексты понимания

© С. А. Салова

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица З. Валиди, 32.

Email: irlxx@yandex.ru

В статье предпринимается попытка реконструировать отдаленные и ближайшие контексты, идейно-смысловый ареал которых вносит дополнительные коррективы в существующие научные представления о декларированной Федором Карамазовым философии старости. Выявлены классические философские (трактат Цицерона «Катон Старший [или] о старости», памфлет Эразма Роттердамского «Похвала Глупости»), литературно-художественные (ломоносовский и львовско-державинский варианты мифа Анакреонта) и беллетристические источники (анонимная повесть «Анакреонт, или Могущество любви» (М., 1796) и переводная повесть «Старик» из цикла «Картина глупостей нынешнего века, или Страстей различного возраста» (М., 1783)), обеспечивающие адекватное понимание выстраиваемой персонажем Достоевского на «камне сладострастия» жизненной стратегии в сенильном возрасте; «минус-прием» «отрицательной интертекстуальности» постулируется в качестве преобладающего вектора их имплицитной актуализации в геронтософии Федора Карамазова.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Федор Карамазов, тематизация старости, контекст, анакреонтика, культурные модели поведения.

Еще К. В. Мочульский в работе «Достоевский. Жизнь и творчество», давно обретшей статус литературоведческой классики, обратил внимание на устойчивую, проявившуюся уже в ранних произведениях интенцию Ф. М. Достоевского создать своего рода типологию образов стариков-сладострастников: «Образ старика, любящего молоденьких девушек и с “слоеной улыбочкой” думающего об их невинности, возникает в его [Достоевского] воображении задолго до больших романов» [8, с. 262]. Действительно, фабульный мотив насильственного, не равного по возрастному критерию брака, актуализирован, к примеру, в его рассказе 1848 года «Елка и свадьба», где пятидесятилетний богач, «добродетельный злодей» Юлиан Мастакович становится мужем шестнадцатилетней дочери богатого откупщика. Позднее, в романе «Униженные и оскорбленные» (1861), дважды была пунктирно очерчена сходная фабульная ситуация, актором которой выступил князь Валковский, намеревавшийся выгодно жениться на пятнадцатилетней девочке и предлагавший покинутой Алешей Наташе Ихменевой стать содержанкой некоего развратного старого графа. Именно от этих двух персонажей, по утверждению К. В. Мочульского, берет начало соответствующая парадигма образов: «В мире Достоевского у князя Валковского большое потомство: по одной линии от него происходят „сладострастники“ (Свидригайлов, Федор Павлович Карамазов и бесчисленные „старички“ – Тоцкие, Епанчины, Сокольские и др.), по другой – „сверхчеловеки“ (Раскольников, Кириллов, Иван Карамазов)» [8, с. 324]. С этой точкой зрения солидаризировался В. В. Зеньковский, назвавший ближайшими «предками» Федора Павловича князя Валковского, Свидригайлова и Ставрогина как акторов темы «смрада» пола и «неудержимого сладострастного порыва» [5, с. 100–101].

Общеизвестная плотная заселенность прозы Достоевского персонажами преклонного возраста обоих полов, казалось бы, давно могла активизировать специальное и пристальное внимание исследователей к ее геронтологической проблематике. Однако «феномен геронтомании Достоевского» (определение Н. Л. Зелянской) вплоть до настоящего времени продолжает оставаться вне сферы углубленного научного интереса новейших знатоков его творчества. Насколько нам известно, на сегодняшний день редкое исключение в этом плане составляют две относительно недавние пионерские статьи Н. Л. Зелянской [4] и М. В. Гольцовой [1], сфокусировавшихся преимущественно на функциональных характеристиках образов старух как репрезентантов соответствующего этоса в романах «Бедные люди» и «Преступление и наказание». Между тем фундаментальная, начатая еще в глубокой античности тематизация старости как особого модуса человеческого существования, естественным образом предполагала гендерную сосредоточенность именно на мужчине в качестве объекта нравственно-философской рефлексии. С учетом данного обстоятельства явное количественное превосходство выведенных в прозе Достоевского мужских персонификаций старческого этоса над женскими недвусмысленно свидетельствует о преимущественной заинтересованности писателя в осмыслении именно маскулинных поведенческих манифестаций преклонного возраста. Едва ли не наибольший интерес в этом плане представляет фигура Федора Павловича Карамазова, декларировавшего собственную философию старости. Реконструкция контекстуального пространства, в границах которого Достоевский концептуализировал геронтософические постулаты старшего Карамазова, и станет предметом настоящей статьи.

Первостепенную значимость в связи с этим приобретает дешифровка отдельных символических деталей в описании внешности Федора Павловича: «...он очень обрюзг. Физиономия его представляла к тому времени что-то резко свидетельствовавшее о характеристике и сущности всей прожитой им жизни. Кроме длинных и мясистых мешочков под маленькими его глазами, вечно наглыми, подозрительными и насмешливыми, кроме множества глубоких морщинок на его маленьком, но жирненьком личике, к острому подбородку его подвешивался еще большой кадык, мясистый и продолговатый, как кошелек, что придавало ему какой-то отвратительно сладострастный вид. Прибавьте к тому плотоядный, длинный рот, с пухлыми губами, из-под которых виднелись маленькие обломки черных, почти истлевших зубов. Он брызгался слюной каждый раз, когда начинал говорить. Впрочем, и сам он любил пошутить над своим лицом, хотя, кажется, оставался им доволен. Особенно указывал он на свой нос, не очень большой, но очень тонкий, с сильно выдающеюся горбиной: „Настоящий римский, – говорил он, – вместе с кадыком настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка“. Этим он, кажется, гордился». [3, с. 22].

Отдельные штрихи в портретном описании Федора Павловича продуцируют прозрачные ассоциации с сатирико-публицистической презентацией архетипа влюбчивого молодящегося старика в знаменитом памфлете Эразма Роттердамского «Похвала Глупости». Приведем соответствующую цитату из него в полном объеме: «Благодаря моим дарам вы увидите повсеместно старцев в летах Несторовых, у которых и образа человеческого не сохранилось, – шамкающих, слабоумных, беззубых, седых, лысых или, как рисует их Аристофан, *неопрятных, скрюченных, жалких, сморщенных, оплешивевших, отупевших, но сластолюбивых* [здесь и далее курсив автора. – С. С.]; и, однако, они так наслаждаются жизнью, так *молодятся*, что иной, глядишь, красит свои седины, другой прикрывает лысину накладными кудрями, третий вставляет себе зубы, быть может, выдернутые из свиной челюсти, четвертый жалостно вздыхает

по какой-нибудь девчонке и в любовных глупостях готов состязаться с зеленым юнцом» [15, с. 93]. Напомним, что полный русскоязычный текст этой книги Эразма был обнародован лишь в начале 30-х годов прошлого века. Ф. М. Достоевскому же мог быть известен ее перевод, со значительными купюрами опубликованный в Москве в 1840 году, а возможно также, и самое первое ее сокращенное петербургское издание на русском языке, под названием «Вещание глупости», увидевшее свет в 1789 году под одной обложкой с повестью «Кривонос-домосед, страдалец модной» [12]. Особо оговорим, что не располагаем достаточно вескими, строго документированными основаниями для введения памфлета знаменитого нидерландского гуманиста эпохи Возрождения в ближайший, линейный контекст последнего романа Достоевского. Вместе с тем косвенным подтверждением подобной возможности может служить сатирический дискурс портретирования князя К. из повести «Дядюшкин сон», при описании внешности которого выборочно представлены многие «аристофановские» признаки молодящегося старика с замашками записного волокиты. Что касается традиционных атрибутов образного топоса старика в проекции на Федора Карамазова, то привлекает внимание Эразмовская репрезентация четвертого типа неугомонных старых сластолюбцев, готовых соперничать с юношами за любовь «какой-нибудь девчонки» и, добавим от себя, провоцирующих тем самым прецеденты, типологически близкие к фабульной ситуации любовного треугольника «Федор Павлович – Дмитрий – Грушенька».

Сатирические, «проаристофановские» ассоциации в кругозоре автора-повествователя противопоставляются позитивным римским аллюзиям самого Федора Павловича относительно своего внешнего облика. Мнимое или явное сходство его лица с типовой внешностью «римского патриция времен упадка» актуализировало античную дихотомию «греческое/римское» и производную от нее оппозицию «эпикурейское/стоическое» как контрастные нравственно-философские системы и напрямую обусловленные ими модели жизненного поведения. Показательно, что гордящийся своим патрицианским римским профилем Карамазов, тем не менее, бесконечно далек от следования жестким предписаниям Цицерона, автора написанного в диалогической форме классического трактата «Катон Старший [или] о старости». Древнеримский философ с безупречной репутацией непогрешимого стоика и воинствующего критика эпикурейской морали перечислил здесь четыре основные причины, заставляющие людей сожалеть о старости. В частности, отвечая на «третий упрек, высказываемый старости: она, говорят, лишена плотских наслаждений» [14, с. 17], alter ego Цицерона 84-летний Марк Порций Катон Цензорий (Старший) доказывал своим молодым собеседникам Лелию и Сципиону несомненные преимущества подобного положения вещей. Он не просто благодарил старость за то, что «она избавляет нас от неподобающих желаний» [14, с. 18], но воздавал ей «величайшую хвалу за то, что она совсем не ищет наслаждений. Она обходится без пиршеств, без столов, уставленных яствами, и без многочисленных кубков; поэтому она не знает и опьянения, несварения и бессонницы» [14, с. 18]. По мысли Цицерона, благодетельность старости проявляется в том, что, уничтожив «жадность к питью и еде», она усиливает «жадность к беседе», предоставляет досуг, чтобы «быть наедине с собой», дает возможность утолить стремление к занятиям наукой и «к наслаждению от земледелия» [14, с. 19–20]: «Какие же наслаждения от пиршеств, или от игр, или от плотской любви можно сравнить с этими наслаждениями?» [14, с. 20]. Вести размеренный образ жизни, проводить досуг в общении с узким кругом давних друзей, заниматься творческой деятельностью, изучать древние языки, возделывать виноградники – таково времяпрепровождение, достойное убеленного сединами мудреца, который не сожалеет

об утрате удовольствий, доступных молодости, и не стремится повернуть время вспять, чтобы вновь почувствовать «щекотку от наслаждений» [14, с. 19].

Справедливости ради отметим, что в Древнем Риме различали четыре возраста человеческой жизни: «отрочество (*pueritia*) считалось до 17 лет, до получения тоги взрослого (*toga virilis, t. pura*); молодость (*adulescentia, iuventus*) – до 46 лет; после 46 лет начинался преклонный возраст (*aetas seniorum*); в 60 лет, по представлению римлян, наступала старость (*senectus*)» [14, с. 193]. Так что по древнеримским меркам 55-летний Федор Павлович пребывал еще в преклонном возрасте и пока не вступил в возраст старости. А значит, его геронтологическая рефлексия, некогда названная В. В. Зеньковским «целой „философией“ сладострастия», носила футурологический характер. Вот как в разговоре с Алешей обрисовал он свои жизненные планы на ближайшие двадцать лет: «Теперь я пока все-таки мужчина, пятьдесят пять всего, но я хочу и еще лет двадцать на линии мужчины состоять, так ведь состареюсь – поган стану, не пойдут они ко мне тогда доброю волей, ну вот тут-то денежки мне и понадобятся. Так вот я теперь и подкапливаю все побольше да побольше для одного себя-с, милый сын мой Алексей Федорович, было бы вам известно, потому что я в скверне моей до конца хочу прожить, было бы вам это известно. В скверне-то слаще: все ее ругают, а все в ней живут, только все тайком, а я открыто. <...> Вот моя философия» [3, с. 158]. Нужно ли говорить, что либертинская геронтология старшего Карамазова демонстративно противоречила культурным моделям поведения человека преклонных лет, выработанным не только многовековой философской, но и религиозной традицией? Общеизвестно, что феномен старости позитивно оценивался христианскими богословами, полагавшими, что близость стариков к смерти, равнозначная близости к Богу, освобождает их от суетных помышлений и наделяет просветленностью свыше: «...плотские влечения и страсти, как и искушения духовного порядка (гордость), с обветшанием плоти и приближением смерти становятся слабее» [6, с. 180]. Растожедение со своим телом, преодоление наивной идентификации с ним и выход за его пределы считается главным показателем настоящей старости, обретение которой невозможно для стариков-симулякров, одержимых низким страхом смерти и потому захваченных «жесткой, мертвой идентифицированностью со своим телом» [10, с. 5]. Но можно ли не желающего выходить за пределы своего тела Федора Карамазова безоговорочно причислить, пусть и в перспективе, к типу стариков-симулякров? Ответ на данный вопрос далек от однозначности.

На необходимость дальнейших размышлений в этом направлении наводят следующие слова Ивана, в беседе с Алешей с нескрываемым скепсисом прокомментировавшего поведенческую стратегию своего отца: «Отец вот не хочет отрываться от своего кубка до семидесяти лет, до восьмидесяти даже мечтает, сам говорил, у него это слишком серьезно, хоть он и шут. Стал на сладострастии своем и тоже будто на камне... хотя после тридцати-то лет, правда, и не на чем, пожалуй, стать, кроме как на этом... Но до семидесяти подло, лучше до тридцати: можно сохранить „отенок благородства“, себя надувая» [3, с. 210–211]. Процитированная только что реплика Ивана чрезвычайно выразительна указанием на хронологические, возрастные параметры, обуславливающие принципиальное различие в оценке мужского сладострастия как специфической поведенческой модели.

В качестве характерологической константы Федора Карамазова сладострастие, оказывается, обладает особым рода динамической подвижностью и не равно самому себе в разные возрастные периоды жизни человека. Подобная поведенческая практика молодого мужчины продуцирует в культурной памяти прозрачные ассоциации со знаковым для эпохи Просвещения

феноменом либертинажа в широком диапазоне от вольнодумства, петиметрства до откровенного разврата, а также его следами и отголосками в европейской культуре и литературе следующего столетия. Что же касается намерения мужчины сенильного возраста оставаться на «камне сладострастия» и в преклонные годы, то у подобной жизненной установки, скорее всего, принципиально иная, танатологическая мотивация по преимуществу. Симптоматично, что исследователи уже неоднократно обращали внимание на то, что карамазовская философия сладострастия имеет подоплеку такого рода и зиждется на желании Федора Павловича подавить угнетающий его страх смерти: он «не просто прожигатель жизни. Он – „философ“, который перед лицом кончины пытается преодолеть страх смерти. <...> он все-таки тайно боится смерти. Когда он совершенно серьезно спрашивает Ивана о том, что случается с человеком после смерти, то есть спрашивает о том, существует ли бессмертие, в его вопросе тоже таится страх перед смертью» [9, с. 325]. В данном случае имеется в виду действительно весьма красноречивая в этом смысле сцена из главы «За коньячком», где пьяненький Федор Павлович задает своему старшему сыну мучительные для себя вопросы о бессмертии: «Иван, а бессмертие есть, ну там какое-нибудь, ну хоть маленькое, хоть малюсенькое?»; не хочет смириться с его отрицательным, безжалостно материалистическим вердиктом и продолжает допытываться: «То есть совершеннейший нуль или нечто? Может быть, нечто какое-нибудь есть? Все же ведь не ничто?» [3, с. 123]. О неизбывном, гнетущем страхе смерти старшего Карамазова недвусмысленно свидетельствуют также его скептические инвективы о рае в беседе с Алешей и упование на легкую смерть, как бы подытоживающие метафизический спор с Иваном: «А в рай твой, Алексей Федорович, я не хочу, это было бы тебе известно, да порядочному человеку оно даже в рай-то твой и неприлично, если даже там и есть он. По-моему, заснул и не проснулся, и нет ничего, поминайте меня, коли хотите, а не хотите, так и черт вас дерит. Вот моя философия» [3, с. 158]. Вопреки амбициозным утверждениям Федора Карамазова «его» философия и жизненная стратегия не носят оригинально личностный характер, но имеют определенные общекультурные корневые истоки или аналоги, вероятнее всего учитываемые Достоевским при структурировании его характера.

Комментируя карамазовский страх смерти, уместно вновь сослаться на Цицерона и его размышления о четвертой, едва ли не важнейшей причине, по которой старость принято считать жалкой. Философ имел в виду сильно беспокоящее и тревожащее людей преклонного возраста приближение смерти, страх перед которой, по его мнению, преодолевается лишь презрением к ней. Учиться этому и советовал своим молодым собеседникам Лелию и Сципиону умудренный опытом Катон Старший: «О, сколь жалок старик, если он за всю свою столь долгую жизнь не понял, что смерть надо презирать! Смерть либо надо полностью презирать, если она погашает дух, либо ее даже надо желать, если она ведет его туда, где он станет вечен. Ведь ничего третьего, конечно, быть не может. Чего же бояться мне, если после смерти я либо не буду несчастен, либо даже буду счастлив?» [14, с. 24]. Более того, отстаивая свое нравственное кредо, доблестный римлянин из диалога Цицерона утверждает, что нимало не сожалеет о том, что вскоре придется расстаться с жизнью: «И если бы кто-нибудь из богов даровал мне возможность вернуться из моего возраста в детский и плакать в колыбели, то я решительно отверг бы это и, конечно, не согласился бы на то, чтобы меня, после пробега положенного расстояния, вернули „от известковой черты к стойлам“» [14, с. 30].

Не подвергая сомнению высочайшую авторитетность Цицероновского трактата, следует отметить, что, помимо собственно философских и богословских источников, концептуализи-

ровавших старость, немалую роль в секулярном осознании специфических особенностей этого возраста в свое время сыграла разветвленная поэтическая традиция, осененная именем легендарного древнегреческого песнопевца Анакреонта. Есть основания полагать, что в эпоху Просвещения именно она имела достаточно существенное (а возможно, даже первостепенное) значение в художественной аналитике старости. Корпус лирических миниатюр, обнаруженный в 1554 году Анри Этьеном и атрибутированный им Анакреонту, если и не «открыл» старость как особый модус существования человека, то во многом предвосхитил неоднозначную философскую рефлексию о ней в постренессансные исторические эпохи. Более того, эта поэзия породила амбивалентный миф Анакреонта, персонифицировавшего своеобразную модель жизнотворчества пожилого мужчины. Поясним высказанный тезис несколько подробнее.

Как известно, жанровым субъектом анакреонтики в европейской, а затем и в русской поэзии Нового времени выступал эпикурействующий, по-мальчишески влюбчивый старичок, не утративший, несмотря на свой преклонный возраст, вкуса к жизни, ее плотским удовольствиям и беспечным развлечениям. Излишне говорить, что подобная поведенческая модель явно противоречила христианской и православной системе этических норм и нравственных ценностей. Вполне закономерно поэтому, что в ортодоксальном восприятии барочных стихотворцев Симеона Полоцкого и Андрея Белобоцкого Анакреонт виделся богомерзким язычником, погрязшим в самых отвратительных пороках пьянства и блуда. Подобные (хотя уже несколько смягченные) коннотации довольно долго оставались идеологическими доминантами в русской рецепции поэтической и бытовой персоны Анакреонта, подтверждением чего являются, в частности, немногочисленные опыты М. В. Ломоносова в анакреонтическом жанре. Весьма существенен тот факт, что в фокусе его пристального внимания оказалась не столько сугубо гедонистическая, сколько метафизическая проблематика, предикатом которой выступило сопряжение двух тесно переплетенных друг с другом мотивов – открыто декларированного геронтологического и имплицитного, упрятанного в подтекст, но неразрывно связанного с первым мотива танатологического.

Напомним, что семантическим центром второй и третьей пар од, входящих в состав хрестоматийного стихотворного цикла Ломоносова «Разговор с Анакреоном», является образ беззаботного старичка, предпочитающего на склоне лет не предаваться горьким размышлениям о неотвратимом приближении смерти, но, напротив, посвящать остаток жизни безудержному, беспечному веселью:

Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны въздыханья
К любезной посылать? [7, с. 762].

В ответ на насмешки молодых девушек над тем, что он стар, «лыс и сед», жанровый субъект анакреонтических миниатюр Ломоносова настоятельно советует своим ровесникам следовать его примеру, уверяя их в том, что перед лицом неумолимого рока

... должен старичок,
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок [7, с. 763].

Процитированное только что трехстишие можно расценить (с определенными оговорками, разумеется) в качестве своеобразного эпиграфа к философическим пассажам Федора Павловича, с неприкрытым цинизмом разгласившего Алеше свои дальнейшие жизненные

планы. Резонность подобного соотнесения поддерживается к тому же типологической тавтологичностью отдельных деталей портретной самопрезентации Анакреона и описания внешнего облика романного персонажа Достоевского.

В истории русской поэзии анакреонтика представлена в двух концептуально противоположных ответвлениях, условно обозначаемых как ломоносовское и львовско-державинское. Принципиальное различие предложенных ими поэтических рецепций бытовой и поэтической личности Анакреонта не в последнюю очередь обусловлено диаметрально противоположной по смыслу интерпретацией жизненной позиции легендарного стихотворца. При этом если в трактовке Ломоносова педалировалась семантика «страха смерти», то в сентименталистской концепции личности и поэзии Анакреонта осуществилась знаковая смысловая переакцентуация, в результате которой пожилой песнопевец стал позиционироваться как мудрец, и в преклонных годах не утративший умение наслаждаться жизнью и ценить ее земные блага. С учетом обозначенных выше анакреонтических контекстов (безусловно известных Ф. М. Достоевскому) в геронтофиле Федора Карамазова обнаруживается и «светлая», позитивная сторона, манифестирующая его неутолимую, «исступленную жажду жизни», которая принимается прежде логики и вне зависимости от ее смысла. Многочисленно, что еще В. В. Зеньковский обратил внимание на спонтанно проявившуюся в циничной карамазовской рефлексии о грядущей старости «какую-то духовную ненасытимую, всецело ушедшую в пол» [5, с. 96–97]. Есть основания полагать, что дешифровка анакреонтического кода в структуре характера Федора Павловича позволяет, хотя бы в самом общем виде, приблизиться к разгадке означенного парадокса.

Одним из следствий бурной экспансии анакреонтического жанра в европейскую и русскую литературы Нового времени стала достаточно отчетливо проявившаяся в культурном сознании рубежа XVIII–XIX веков тенденция к теснейшей корреляции мифа Анакреонта с геронтофильским мифом преодоления смерти. Существенно подчеркнуть, что ни в одном из стихотворений корпуса Анакреонтеа не концептуализировалась мифогенная фабула о телесно-физическом омоложении мужчины преклонного возраста, страстно желающего бессмертия, благодаря любви молодой женщины. Однако на два прецедентных текста справедливости ради стоит обратить внимание. В переводной русской анакреонтике близкой по тематике можно считать, пожалуй, лишь лирическую миниатюру «К любовнице». Приведем ее текст в переводе Н. А. Львова:

Красавица! не бегай
Седых моих волос,
И юностью блистая,
Не презри страсть мою.
Приятно розы вьются
С лилеями в венке [13, с. 137].

Имплицитную актуализацию геронтофильского анакреонова мифа обнаруживает стихотворное послание «К Анжелике Кауфман», сочиненное 52-летним Державиным по случаю его предстоящего бракосочетания с 27-летней Д. А. Дьяковой. Субъект речи обратился к «живописице преславной» с просьбой нарисовать портрет Милены – той, которая после смерти Пленеры смогла бы своей любовью и красотой воскресить его, вернуть к жизни:

Чтоб, на всех взирая хладно,
Полюбила лишь меня;

Чтобы, сердце безотрадно
В гроб с Пленирой схороня,
Я нашел бы в ней обратно
И, пленясь ее красотой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой [2, с. 33].

Обращает внимание красноречивое отличие между окончательной и ранней редакциями процитированного стихотворения на «внутридушевный сюжет» (выражение К. Ю. Лаппо-Данилевского). В хранящейся в ИРЛИ так называемой «Казанской тетради» его последний стих приведен в следующем виде: «Молодой моей женой» [2, с. 410]. В канонической редакции Державин «снял» эксплицированный этой строкой мистический смысл «анакреонова мифа», тем самым косвенно подтвердив его существование.

Между тем в беллетристической (как переводной, так и оригинальной) прозе последней трети XVIII века авторские актуализации утопических представлений подобного рода на уровне сюжета и/или персонажной сферы действительно имели место. В этом ряду следует указать, в частности, на две репрезентативные в этом плане повести, хорошо известные русскому читателю. Имеем в виду анонимную повесть «Анакреонт, или Могущество любви» (М., 1796) и повесть «Старик» из цикла «Картина глупостей нынешнего века, или Страстей различного возраста» (М., 1783) – переведенной князем А. И. Голицыным книги французского беллетриста П. Ж. Б. Нугаре, увидевшей свет в 1766 году. В первой из них тщательно проработан «геронтофильский» сюжет о неравной по возрастному критерию любви прелестной младой Астерии к убеленному сединами нежному песнопевцу Анакреонту, после брака с которой сын Киприды вернул ему «крепость лет юных». Во второй описаны любовные похождения обремененного болезнями, но всеми силами ухищряющегося скрывать свой преклонный возраст барона Осбруна. Глубинной психологической подоплекой и потайным регулятором его поведения являлась «анакреонтическая» *idée fixe* внушить к себе любовь юной девушки или молодой женщины, чтобы обратить время вспять и вернуть ушедшую молодость [11, с. 234–237]. Возвращаясь к роману Достоевского, заметим, что очерченный выше парадигматический контекст заметно усложняет психологическую мотивацию поведения стареющего Федора Карамазова, вступившего в любовный поединок с собственным сыном. Возможно, что на данном этапе жизни и в ближайшей перспективе именно Грушенька стала олицетворять для него ту Женщину, любовь которой избавит старика от удушающего страха смерти и дарует хотя бы слабенькую надежду на личное бессмертие. Весьма существенно, однако, что с введением мотива денег культурный анакреонов миф предстал в романе Достоевского в предельно сниженном, банализованном варианте, адекватном художественной логике характера Федора Карамазова.

Симптоматично, что очерченный нами выше парадигматический контекст геронтологической рефлексии Федора Карамазова представлен преимущественно классическими философскими и литературно-художественными источниками, атрибутирование и идентификация которых не вызывает сколько-нибудь значительных затруднений. В культурной памяти читателя они продуцируют соответствующие идейно-смысловые ассоциации, сопровождающиеся одновременно отчетливым осознанием фронтальной деформированности и искаженности содержательного наполнения актуализованных в романе Достоевского хрестоматийно

известных текстов. Осмелимся предположить, что писатель намеренно активировал сатирический потенциал «отрицательной интертекстуальности» в качестве «минус-приема» (термин Ю. М. Лотмана). Его использование позволило маркировать «внекодovость» карамазовской геронтофилосфии, фактически отменяющей за ненадобностью сакраментальные культурные модели поведения мужчин в сенильном возрасте, выявив попутно тривиальное безразличие стареющего персонажа к любым поведенческим ориентирам и образцам, которые отвечали бы нравственным критериям благопристойности и уместности. Оценочная точка зрения Достоевского, полемически заостренная против сентименталистской интерпретации «анакреонова мифа», по сути, ретранслировала интеллектуальную эмоцию Ломоносова, иронически назвавшего Анакреонта «великим философом».

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №180413).

Литература

1. Гальцова М. В. Геронтопоэтика романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: Материалы второй научно-практической конференции. Барнаул, 19–20 сентября 2013 года. Барнаул: АлтПГА, **2013**. С. 481–487.
2. Державин Г. Р. *Анакреонтические песни*. М.: Наука, **1987**. 472 с.
3. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Л.: Наука, **1976**. Т. 14. 512 с.
4. Зелянская Н. Л. Геронтомания Ф. М. Достоевского (четыре старухи в романе «Бедные люди») // *Текст: структура и функционирование*. Вып. 6. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, **2002**. С. 138–144.
5. Зеньковский В. В. Федор Павлович Карамазов // *О Достоевском*. Вып. II. Прага, **1933**. С. 93–114.
6. Лишаев С. А. Возраст в истории европейской философии // *Mixtura verborum' 2014: жизнь в параллельных мирах: философский ежегодник*. Самара: Самарская гуманитарная академия, **2015**. С. 172–200.
7. Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство АН СССР, **1959**. Т. 8. 1280 с.
8. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // *Гоголь. Соловьев. Достоевский*. М.: Республика, **1995**. С. 219–562.
9. Накамура К. *Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского*. СПб.: Гиперион, **2011**. 400 с.
10. Пигров К. С. Экзистенциальный смысл настоящей старости // *Философия старости: геронтофилосфия*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, **2003**. 149 с.
11. Салова С. А. «Анакреонтические песни» Г. Р. Державина как литературное путешествие // Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXII международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, **2017**. С. 230–239.
12. Светлов Л. Б. Первое издание русского перевода «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского // XVIII век. Сб. VII: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. М.: Наука, **1966**. С. 145–149.
13. *Стихотворение Анакреона Тийскаго*. СПб.: Типография Корпуса Чужестранных Единоверцов, **1794**. 287 с.
14. Цицерон. *О старости. О дружбе. Об обязанностях*. М.: Наука, **1975**. 247 с.
15. Эразм Р. *Похвала Глупости*. М.: Художественная литература, **1983**. 240 с.

Поступила в редакцию 12.07.2018 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.4.4

Fyodor Karamazov as the philosopher of old age: contexts of understanding

© S. A. Salova

*Bashkir State University**32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Email: irlxx@yandex.ru*

The author of the article makes an attempt at restoring the distant and close contexts, the idea-content range of which brings certain adjustments to the existing scientific views on the philosophy of old age, declared by Fyodor Karamazov. The linear and paradigmatic context of Fyodor Karamazov's gerontological reflection is represented mainly by classical philosophical (Cicero's treatise "Cato the Elder [or] on the old age", pamphlet by Erasmus of Rotterdam "Praise of Stupidity"), literary, and artistic (Lomonosov's and Lvov-Derzhavin's poetic versions of the Anacreon myth), as well as by fictional (the anonymous story "Anacreon, or the Power of Love" (M., 1796) and translated story "The Old Man" from the cycle "The Picture of stupidity of this century, or of Passion at different age" (M., 1783)) sources, ensuring the relevant understanding of the vital strategy at the senile age developed on "the stone of voluptuousness" by Dostoevsky's personage. The content-matter of the axiomatic texts actualized in the novel was intentionally subjected by the writer to frontal deformation and distortion, thereby activating the satirical potential of "negative intertextuality" as a "minus-device" (the term by Yu. M. Lotman). Its usage enabled demonstration of axiological emptiness of Fyodor Karamazov's gerontophile strategy, marking to the point the fundamental "extra-code" character of his personal gerontosophy, equal to the rejection of the whole range of sacramental cultural models of men's senile behavior. Dostoevsky's estimation of Karamazov as a philosopher of old age, polemically pointed against the sentimentalist versions of the "Anacreontic myth," actually conveyed Lomonosov's intellectual emotion, who ironically called Anacreon "the great philosopher". Fyodor Karamazov's gerontological reflection, the conceptual design and effect of which in the novel "The Brothers Karamazov" was achieved by regular interruptions of spontaneous, parallel multi-component associations, is viewed as a complex implementation on the personage's level of the polyphonic principle of artistic thinking of F. M. Dostoevsky, who created a novel of a new type.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Fyodor Karamazov, thematization of old age, context, Anacreontic poetry, cultural behavior models.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No.180413).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Salova S. A. Fyodor Karamazov as the philosopher of old age: contexts of understanding // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 4. Pp. 284–294.

References

1. Gal'tsova M. V. Russkaya slovesnost' v Rossii i Kazakhstane: aspekty integratsii: Materialy vtoroi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Barnaul, 19–20 sentyabrya 2013 goda. Barnaul: AltPGA, 2013. Pp. 481–487.
2. Derzhavin G. R. *Anakreonticheskie pesni [Anacreontic songs]*. Moscow: Nauka, 1987.
3. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works in 30 volumes]*. Leningrad: Nauka, 1976. Vol. 14.
4. Zelyanskaya N. L. *Tekst: struktura i funkcionirovanie*. No. 6. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo universiteta, 2002. Pp. 138–144.

5. Zen'kovskii V. V. *O Dostoevskom*. Vyp. II. Praga, **1933**. Pp. 93–114.
6. Lishaev S. A. *Mixtura verborum' 2014: zhizn' v parallel'nykh mirakh: filosofskii ezhegodnik*. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, **2015**. Pp. 172–200.
7. Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, **1959**. Vol. 8.
8. Mochul'skii K. V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii*. Moscow: Respublika, **1995**. Pp. 219–562.
9. Nakamura K. *Slovar' personazhei proizvedenii F. M. Dostoevskogo [Dictionary of characters in the works of F. M. Dostoevsky]*. Saint Petersburg: Giperion, **2011**.
10. Pigrov K. S. *Filosofiya starosti: gerontosofiya*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, **2003**.
11. Salova S. A. Pushkinskie chteniya – 2017. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: materialy XXII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina, **2017**. Pp. 230–239.
12. Svetlov L. B. XVIII vek. Sb. VII: Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoi kul'tury. K 70-letiyu chl.-korr. AN SSSR P. N. Berkova. Moscow: Nauka, **1966**. Pp. 145–149.
13. *Stikhotvorenie Anakreona Tiiskago [The poem of Anacreon of Teos]*. Saint Petersburg: Tipografiya Korpusa Chuzhestrannykh Edinoverstov, **1794**.
14. Cicero. *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh [On old age. On friendship. On moral duties]*. Moscow: Nauka, **1975**.
15. Erasmus R. *Pokhvala Gluposti [Praise of folly]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, **1983**.

Received 12.07.2018.